

Этьен Кондильяк
**ТОРГОВЛЯ И ПРАВИТЕЛЬСТВО,
РАССМОТРЕННЫЕ В ИХ ВЗАИМНЫХ ОТНОШЕНИЯХ**

*Condillac Etienne
Le Commerce et le gouvernement*

Об относительном богатстве наций

Грубая сила, не руководимая мудростью,
прижимается к земле собственной тяжестью,
но слабая мысль по воле богов обретает мощь.

Горацій, Оды, iii. 4

Мы уже провели различие между земельным богатством и движимым богатством

К земельному богатству я отношу не только все продукты, но и всех животных: в самом деле, их следует рассматривать как продукт тех земель, которые кормят их.

К движимому богатству я отношу все то, чему труд придал новую форму. Таковы те категории, к которым сводится всякое богатство и невозможно представить себе какую-либо третью категорию.

Если вы скажете, что золото и серебро относятся к иной категории богатства, то я спрошу вас: разве эти металлы не образуются в земле и разве не верно то, что они становятся по-настоящему доступными нам тогда, когда мы извлекаем их из шахт и подвергаем очистке?

Таким образом, золото и серебро относятся к земельному богатству и, подобно зерну, являются продуктом земли и нашего труда; и эти же металлы являются движимым богатством, когда мы заставим их принять те формы, которые делают их пригодными для различных целей — когда мы сделаем из них монеты, сосуды и т. д.

Мы уже убедились в том, что все эти богатства увеличиваются лишь благодаря нашему труду. Всеми продуктами питания мы обязаны труду земледельца, а всеми формами, которые приданы материалам, мы обязаны ремесленникам или художникам.

Далее мы убедились в том, что все эти богатства обретают свою истинную ценность лишь в той мере, в какой их обращение перемещает их из тех мест, где они имеются в избытке в те места, где их недостаточно. Это обращение есть результат торговли. Следовательно, своей ценностью богатства отчасти обязаны труду торговцев.

Наконец, мы увидели, насколько создание и сохранение богатства зависит от власти, которая защищает земледельца, ремесленника, художника и торговца; иными словами, от власти, которая поддерживает порядок, не отдавая никому предпочтения.

Следовательно, именно трудами этой власти обеспечивается увеличение богатства, равно как и его сохранение.

Исходя из этого резюме нетрудно судить о том, какая же нация должна быть самой богатой.

Это та нация, которая проявляет наибольшее усердие во всех вышеперечисленных областях одновременно.

Все ли земли страны обрабатываются так хорошо, как они могут быть обработаны? Все ли мастерские ремесленников и художников заполнены постоянно занятыми работниками? Имеется ли в стране достаточное число торговцев для того, чтобы обеспечить надлежащее и постоянное обращение всего избытка продуктов? Наконец, насколько бдительна верховная власть, этот труженик, надзирающий над всеми остальными тружениками — поддерживает ли она порядок и свободу без всякого пристрастия?

Поэтому я прошу людей не задаваться вопросами о том, следует ли отдавать предпочтение сельскому хозяйству перед мануфактурами или наоборот. Не должно быть никаких предпочтений; нужно уделять внимание всему.

Отдельный человек может иметь предпочтения; по закону он имеет право выбирать тот род труда, который ему подходит. Но он утратит это право, если правительство будет защищать исключительно один род труда или же отдавать ему предпочтение.

Станет ли страна, которой в силу природы ее земли суждено быть сельскохозяйственной, пренебрегать теми продуктами, которые предлагает ей сама природа, тем богатством, которое принадлежит данной нации и только ей и которое невозможно у нее отобрать?

Поскольку живущие в этой стране люди занимаются сельским хозяйством, будут ли они презирать все работы, которые не имеют прямого отношения к сельскому хозяйству? Захотят ли они не иметь у себя ни ремесленников, ни художников? Станут ли они в таком случае получать все движимые блага извне, будучи вынужденными при этом платить за эти блага более высокую цену в силу необходимости оплачивать транспортные издержки? Этот народ мог иметь в своей среде большое число работников, которые потребляли его продукты, и он будет нести большие расходы, отправляя свои продукты в другие страны, чтобы обеспечить существование этих работников.

Итак, чему бы ни отдавал предпочтение тот или иной народ — сельскому хозяйству или мануфактурам, и в том и в другом случае он, несомненно, никогда не будет таким богатым, каким он мог бы быть.

Следует ли ему пренебречь сельским хозяйством и мануфактурной промышленностью и заняться главным образом посреднической торговлей? В этом случае он низведет себя до роли не более чем торговца, обслуживающего другие народы. У него не будет ничего своего и он будет иметь средства к существованию лишь до тех пор, пока другие нации не станут завидовать тем прибылям, которые он получает за их счет. Отдавать предпочтение посреднической торговле можно лишь тогда, когда собственные ресурсы народа не обеспечивают его достаточным относительно его численности количеством продуктов питания или первичных материалов и он не имеет никаких иных ресурсов для поддержания своего существования.

Следовательно, для того, чтобы сельскохозяйственная страна была богата настолько, насколько она может быть богатой, ей необходимо заботиться обо всех видах труда одновременно: среди ее граждан должны быть распространены различные занятия и в каждой профессии число работников должно быть пропорционально потребности в них. А как мы уже убедились, такое положение естественным образом достигается тогда, когда торговля пользуется полной, совершенной и постоянной свободой.

Позвольте мне допустить на мгновение, что все нации Европы трудятся в соответствии с этими принципами, которые они, быть может, никогда не поймут.

При таком допущении каждая страна будет приобретать реальное, осязаемое богатство и относительное богатство стран будет зависеть от плодородия их земель и производительной силы их жителей.

Страны будут торговать друг с другом в условиях полной свободы; и в этой торговле они будут обнаруживать свои собственные преимущества, которые обеспечат обращение излишков богатств.

При равном вовлечении всех стран в торговлю они почувствуют, как они необходимы друг другу. Они не станут и задумываться о том, чтобы отнять друг у друга мануфактуры или торговлю: для каждой страны будет достаточным просто трудиться и иметь продукты труда для обмена. К примеру, какое значение имеет для нас то, где производится некоторый сорт ткани — во Франции или в Англии — если англичане должны обязуются свои ткани на другие продукты наших мануфактур? Лишь позвольте нам трудиться — и у нас не будет никаких причин для того, чтобы завидовать другим нациям. Насколько нам необходимо работать для них, настолько же и им нужно работать для нас. Если бы мы пожелали обойтись без изделий их мануфактур, то и они захотели бы обойтись без наших изделий: мы нанесли бы ущерб им, а они — нам.

Наличие всех видов труда и предоставление всем гражданам свободы выбора — вот истинный источник богатства; и, как мы видим, этот ручей может разливаться шире или уже в зависимости от того, насколько свободен он в своем течении.

На этом можно было бы завершить эту главу, если бы не моя склонность к полемике.

Какая-то страна пытается развить у себя новое ремесло? Все остальные хотят внедрить его у себя. В одной из стран утверждается новый производственный процесс? Каждая страна желает утвердить его у себя. Создается впечатление, что мы думаем лишь о том, что уже делается где-либо в другом месте и что мы и минуты не думаем о том, что мы можем сделать у себя дома. Причина этого заключается в том, что, не имея свободы делать то, что мы хотим, мы думаем найти такую свободу в новом виде ремесла или мануфактуры, который, как нам кажется, обеспечит нам защиту со стороны правительства.

Если бы мы начали заниматься тем, что нам предназначено нашей землей и нашей производительной силой, то наши труды не были бы напрасными, поскольку их продукты были бы востребованы иностранцами. И наоборот, если мы работаем над тем, что им удается лучше, чем нам, то наши товары остаются у нас на руках.

Но когда мы добьемся таких же успехов, каких добились они, будет ли это означать, что мы сделали все, что могли, желая производить все то, что производят другие? Если чахнут наши старые мануфактуры, то зачем нам создавать новые? И зачем нам умножать число наших мануфактур, когда у нас есть поля, лежащие под паром, а те поля, что обрабатываются, используются не в полной мере? У нас есть, чем заняться, мы не занимаемся этим и при этом мы завидуем другим нациям и их трудам! Тем не менее, если бы мы имели для обмена лишь изделия, схожие с изделиями других стран, то торговля между нами и этими странами прекратилась бы. В сущности, эти размышления тривиальны: но почему я должен бояться говорить тривиальные вещи, когда люди не стесняются пренебрегать ими? Признаем ли мы эти тривиальные истины, когда запрещаем ввоз иностранных товаров ради того, чтобы, как утверждается, отдать предпочтение нашим мануфактурам или когда мы облагаем иностранные товары непомерными пошлинами?

Будучи занятыми нанесением ущерба друг другу — как и обстоит дело в действительности — все страны будут стремиться к исключительным преимуществам в торговле. При совершении обмена товарами каждая из стран пожелает присвоить себе всю прибыль. Они не понимают, что обмен по самой своей природе неизбежно подразумевает наличие прибыли для обеих сторон, так как каждая из сторон отдает меньшее, чтобы получить большее.

Отдельный человек, совершающий покупки, может быть обманут, если он не знает рыночных цен. Страны — это торговцы: рынки находятся на их землях; цены товаров им известны. Так благодаря какому же искусству мы будем вынуждать их всегда отдавать нам то, что они ценят больше, в обмен на то, что они ценят меньше, если сами мы всегда отдаем им лишь то, что ценим меньше в обмен на то, что ценится нами больше? Это искусство, однако, представляет собой великую цель политиков: это тот «философский камень», который они ищут и который, несомненно, никогда найден не будет.

Однако, скажете вы, мы должны привлечь к себе как можно больше золота и серебра из других стран. Поэтому мы должны не позволять им продавать нам товары, произведенные в их землях и вынуждать их покупать товары, произведенные в нашей стране.

Следовательно, вы считаете, что миллион в золоте и серебре — это большее богатство, чем миллион в продуктах или миллион в промежуточных материалах! Неужели вы до сих пор не осознали, что продукты представляют собой богатство первого порядка? Что же вы станете делать, если другие нации, рассуждающие так же скверно, как и вы, также пожелают привлечь к себе ваши золото и серебро? А именно это они и попытаются сделать. Таким образом, все народы станут заботиться о том, чтобы не допустить в свои земли иностранные товары; и если они преуспеют в этом, то неизбежным следствием этого станет то, что их собственные товары не выйдут за границы их стран. Итак, если каждая страна захочет получать всю огромную прибыль от торговли, торговля между странами прекратится и, соперничая друг с другом, страны лишат себя всякой прибыли.

Вот вам результат запретов на ввоз иностранных товаров. Тем не менее кто осмелится утверждать, что Европа откроет глаза? Я желаю этого; но я знаю, как сильны предрассудки, и я не надеюсь на то, что это случится.

В действительности торговля в Европе не является обменом продуктами тех видов труда, в которых какая-либо из всех наций имеет преимущество; на самом деле это состояние войны, при котором нации думают лишь о том, как ограбить друг друга. Они по-прежнему мыслят так же, как это было во времена варварства, когда народы умели обогащаться только за счет ограбления своих соседей. Постоянно соперничая, они стремятся только навредить друг другу. Нет среди них ни одной, которая не желала бы уничтожить все остальные и ни одна из них не думает о том, как добиться истинного роста своей мощи.

Вы спросите, какие выгоды или невыгоды снискала бы страна — например, Франция — которая первой установила бы у себя полную и совершенную свободу вывоза и ввоза товаров.

Я отвечаю, что, если бы эта страна была первой и, следовательно, единственной страной, установившей у себя такую свободу, то она не снискала бы от этого ни выгоды, ни невыгоды, ибо в этом случае она ничего бы не вывозила и ничто не ввозило бы на ее землю. Ведь для того, чтобы был возможен вывоз товаров из Франции, мы должны иметь возможность ввозить наши товары в другие страны; так же и для того, чтобы во Франции имел место ввоз иностранных товаров, иностранцы должны вывозить товары из своих стран.

Таким образом, вопрос этот был сформулирован неудачно. Я бы скорее спросил, какую выгоду или невыгоду снискала бы Франция, если бы она установила постоянную и нерушимую свободу вывоза и ввоза товаров, в то время как в остальных странах вывоз или ввоз товаров то разрешались бы, то запрещались.

Торговля зерном является одной из отраслей посреднической торговли, которую ведет Голландия, и эта республика всегда разрешает вывоз и ввоз зерна. При этом она исходит из того, что препятствование такой торговле сделало бы гораздо большей опасность нехватки зерна в стране, поскольку ее земли не производят столько зерна, сколько она потребляет.

В Польше же всегда разрешается вывоз зерна из страны, поскольку в обычные годы эта страна всегда собирает больше зерна, чем ей требуется. Поскольку Польша получает все мануфактурные товары из-за рубежа, такой избыток зерна необходим ей для приобретения промышленных товаров и своим трудом она гарантирует себе этот избыток. Если бы она имела у себя все те мануфактуры, которых сейчас у нее нет, то избыток зерна в этой стране был бы меньшим, поскольку в этом случае она имела бы большее население и, возможно, она запретила бы вывоз зерна.

В Англии вывоз зерна из страны запрещается редко, однако ввоз иностранного зерна в большей или в меньшей степени ограничивается пошлинами, которые то повышаются, то понижаются в зависимости от обстоятельств.

Наконец, в остальных странах вывоз зерна разрешается, когда зерно стоит дешево, а его ввоз разрешается, когда оно стоит дорого. Однако свобода как вывоза, так и ввоза никогда не бывает полной и совершенной: она всегда в большей или в меньшей степени ограничена таможенными тарифами. Вот более или менее полное описание того, что происходит в Европе. Я говорю *более или менее полное* потому что для моих рассуждений достаточно общего представления о том, как обстоит дело.

Итак, мы исходим из того, что Франция — единственная страна, установившая у себя полную, совершенную, постоянную свободу ввоза и вывоза товаров без каких-либо ограничений или перерывов. Все ее порты всегда открыты и никому никогда не приходится платить какие-либо пошлины за въезд в страну или выезд из нее.

Я утверждаю, что при этих условиях торговля зерном для Франции будет более прибыльной, чем для любой другой страны.

Не приходится сомневаться в том, что продавец получает более значительную выгоду от продажи своего товара, когда большее число соперничающих друг с другом покупателей делают ему большее число предложений. Следовательно, Франция получит выгоду от продажи своего зерна, если она, не ограничиваясь продажей зерна своим потребителям, будет продавать его также и потребителям в тех странах, где разрешен ввоз зерна из-за границы.

Ясно, что, если бы Франция могла в равной мере поставлять зерно всем странам Европы, ее выгода от продажи зерна была бы еще большей, поскольку большее число покупателей обращалось бы к ней с более многочисленными просьбами. Если она не получает всю возможную выгоду, то это объясняется тем, что она не может в равной мере поставлять зерно во все страны.

Вы, без сомнения, скажете, что, если Франция станет продавать зерно всем иностранцам, которые просят об этом, то в самой Франции зерно подорожает.

Однако мы исходили из того, что ввоз товаров во Францию также не стеснен ограничениями, как и вывоз товаров из нее и, как мы уже отмечали, имеются страны, которые вывозят свое зерно за границу; когда же эти страны обнаружат, что цена на зерно во Франции высока и его продажа им принесет им прибыль, они станут ввозить зерно к нам. Здесь нужно понять, что эта высокая цена не означает дороговизны зерна; истинная цена устанавливается конкуренцией и имеет свой верхний предел, свой нижний предел и свой средний уровень.

Пока эта цена не достигнет своего высшего уровня, люди не повезут к нам зерно и у нас не будет необходимости в том, чтобы они его привозили. Когда же цена достигнет своего потолка, все страны, вывозящие зерно, повезут свое зерно к нам и мы будем покупать его со всей возможной для нас выгодой, так как при большем числе продавцов мы будем получать большее число предложений. Мы будем покупать зерно с еще большей выгодой для себя в том случае, если зерно будет привозиться к нам из всех частей Европы, поскольку с увеличением числа продавцов умножается и число предложений. Я прошу вас поразмыслить о географическом положении Франции: будучи расположенной на пересечении путей, идущих с севера Европы и из Средиземного моря, может ли она опасаться отсутствия поставок или необходимости покупать дорогое зерно? Напротив, очевидно, что она станет общим рынком для всей Европы.

Таким образом, при принятых нами допущениях, Франция, независимо от того, продает ли она зерно или покупает его, будет иметь огромное преимущество над странами, запрещающими вывоз и ввоз товаров, над странами, разрешающими либо вывоз, либо ввоз и, наконец, над теми странами, которые разрешают и то и другое временно и с ограничениями. Ведь запрещая вывоз, они уменьшают число покупателей и соответственно продают товары по более низкой цене, а запрещая ввоз, они покупают товары по более высокой цене, поскольку уменьшают число тех, кто продает им товары.

Мы можем заключить, что если страны Европы и дальше будут упорствовать в отрицании полной свободы торговли, они никогда не станут такими богатыми или такими многолюдными, какими они могли бы быть; что если бы одна из них ввела у себя полную и постоянную свободу торговли, в то время как остальные допускали бы у себя лишь временную и ограниченную свободу торговли, то, при прочих равных условиях, эта страна стала бы богатейшей из всех стран; и, наконец, что, если бы все страны прекратили ставить препятствия на пути коммерции, все они стали настолько богатыми, насколько это возможно для них; и что, как мы уже отметили, их относительное богатство в этом случае зависело бы от плодородия их земель и от трудолюбия их жителей.

КРАТКОЕ РЕЗЮМЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Ценность вещей или наша оценка их ценности имеют в своей основе их полезность и находятся в пропорциональной зависимости от наших потребностей. Отсюда следует, что избыток, рассматриваемый именно как избыток, какой-либо ценности не имеет и что он может приобретать ценность лишь в той мере, в какой он, по нашему суждению, становится необходимым

Наши потребности бывают естественными или искусственными.

Естественные потребности изолированного человека вытекают из его природы. У человека же, являющегося гражданином общества, они вытекают из того общественного договора, без которого общество не сможет продолжать существовать.

Число этих потребностей невелико, и они придают ценность только предметам первой необходимости. Напротив, искусственные потребности умножаются с развитием наших обычаев и придают ценность множеству продуктов и обработанных материалов, которые мы относим к числу предметов вторичной необходимости.

Ценность этих вещей зависит от их редкости или обилия, и она опять-таки изменяется в зависимости наших правильных или ложных представлений относительно редкости или обилия данных вещей.

Эти ценности, оцениваемые путем сопоставления, представляют собой то, что называется ценой товаров. Отсюда следует, что при операциях обмена товары взаимодействуют, определяя цены друг друга, и что все мы одновременно являемся — в различных отношениях — покупателями и продавцами.

Цены устанавливаются в ходе конкурентной борьбы между продавцами и покупателями. Цены могут изменяться только на рынках и их изменения будут незначительными, если каждому позволено доставлять на рынок то, что он желает, в каком угодно количестве.

Такие операции обмена, совершающиеся на рынках, образуют то, что называют торговлей.

Они предполагают наличие, с одной стороны, избытка продуктов, а с другой — потребности, которая должна быть удовлетворена.

Таким образом, в торговле участвуют именно избыточные продукты — будь то обмена между крестьянами, при которых торговля ведется непосредственно между производителями и потребителями, или же обмена с участием купцов или торговцев; в этом последнем случае торговцы подобны каналам, связывающим производителей с потребителями.

Избыточный продукт, не имевший абсолютно никакой ценности в руках производителей, приобретает ценность, когда он попадает в руки потребителей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ К ПЕРВЫМ ДВУМ ЧАСТЯМ

Мы увидели, как богатство распространяется повсюду, когда торговля пользуется полной и постоянной свободой. Оно постоянно переливается из одной провинции в другую. Сельское хозяйство расцветает; даже в хижинах люди культивируют искусства; каждый гражданин обеспечивает себе уютное существование, выбирая себе работу по своему вкусу; все приобретает ценность, и при этом не видно и намека на те несоразмерно огромные состояния, которые порождают роскошь и порочность.

Все это изменяется в связи с различными обстоятельствами, которые наносят удары по свободе торговли. Мы уже рассмотрели эти обстоятельства, к которым относятся войны, поборы, таможенные сборы, существование гильдий, исключительные привилегии, налоги на потребление, махинации при чеканке монеты, эксплуатация шахт, всевозможные заимствования правительства, отъем урожая, роскошества владельцев огромных капиталов, соперничество наций и, наконец, дух корысти, пронизывающий все части правительственной администрации. (Вне всякого сомнения, существуют еще и другие причины.)

Тогда беспорядок достигает наивысшего уровня. Вместе с ростом роскоши растет и порочность; города заполняются нищими; деревни теряют свое население, а государство, накопившее громадные долги, по-видимому, не имеет никаких дальнейших стремлений, помимо тех, которые ведут к его разрушению.

В первой части этой работы мы могли убедиться в том, что экономическая наука, сложная в силу самой своей природы, становится более доступной, если ее упростить — так сказать, свести ее к некоторым элементарным положениям, которые, будучи точно определенными, представляются тривиальными истинами. Тогда эта наука развивается сама собой. Положения вырастают друг из друга как следствия из причин или как по сути своей идентичные положения, а формулировка вопроса делает ответ на него столь видимым, что он отыскивается как бы сам собой, делая рассуждения ненужными.

Во второй части я свел рассуждения к простому изложению. Я показал преимущества абсолютной и постоянной свободы торговли; я выявил обстоятельства, которые могут подрывать эту свободу; я не скрывал грехов правительств и подтвердил те принципы, которые я обосновал в первой части.

Однако я затронул лишь важнейшие недостатки. Было бы совершенно бессмысленным останавливаться на остальных, так как существуют средства для устранения всех недостатков, т. е. для установления полной, совершенной и постоянной свободы торговли. Я уверен, что мне удалось доказать это.

Помимо всего прочего, я желал пролить свет на науку, которая кажется неизвестной — по крайней мере на практике. Если я преуспел в этом, то осталось только узнать, способны ли нации вести себя в соответствии с этим светом. Если бы это сомнение исходило от человека, более одаренного и более известного, оно, быть может, раскрыло бы глаза нациям; но, поскольку это касается меня, я хорошо сознаю, что я всего лишь заставляю прозреть тех, у кого есть глаза.

Нации подобны детям. Как правило, они делают лишь то, что представляется им очевидным, а потом они продолжают делать это долгое время — иногда вечно.

И не рассудок заставляет их менять свое поведение, а только кнут или власть.

Кнут ничего не исправляет: он заменяет один недостаток другим и беспорядок всегда лишь умножается.

Власть могла бы поправить дело; однако обычно она скорее смягчает недостатки, чем исправляет их. Все же и смягчение недостатков есть замечательное дело. У власти есть свои страсти, свои предрассудки, своя рутина и кажется, что опыт ничему ее не учит. Сколько ошибок было совершено в прошлом! Сколько раз они повторялись! И они по-прежнему повторяются!

Однако Европа становится более просвещенной. Существует правительство, которое видит недостатки, которое думает о том, как их исправить, и для этого монарха демонстрация истины стала бы радостью. И вот наступил момент, когда каждый добрый гражданин должен отыскивать истину. Было бы достаточным просто найти ее. Мы живем в такое время, когда уже не требуется отваги для того, чтобы высказать истину, и при таком государе, при котором открытая истина не останется бесплодной.